

ЕКАТЕРИНА ФЕДОТОВА

МАРЬИНА ОСЕНЬ

РАССКАЗ

Ветер постучал в стекло яблоневым сукон, и Марья в очередной раз пожалела, что не спилила его: не дай Бог, выбьет стекло. Оно и так чуть держалось, заклеенное пластырем аж в трёх местах, а при особенно сильном ветре звенело жалобно и тонко. Марья тяжело поднялась, припала лицом к холодному окну, молча вглядываясь в осеннюю темноту. А там — глухой и слепой ноябрьский рассвет — хоть глаз выколи... Где ты теперь найдёшь ту пиду в сараюшке... Едва переставляя ноги, Марья добралась до кровати и села, долго, по-стариковски, принаравливаясь, чтоб прилечь. Но опять разболелся бок — не полежишь. За ночь ветер выстудил дом, и было так холодно, что не спасало и тёплое одеяло. Марья сидела на кровати и слушала, как шумит ветер, как горько плачет стекло... Не выдержала, тяжело подошла к щитку печки, прижалась к нему старческой грудью — холодно... Плотнее завернулась в старую поддёвку, стащила со щитка тёплый платок и завязала его крест-накрест. Протяжно загудело в дымоходе, и сук хлопнул по стеклу так сильно, что затрепетало от страха сердце, но стекло выдержало. Марья подошла к окну, вглядываясь в мокрую непогоду. Со стекла на неё смотрело маленькое, сухонькое личико с обветренными жизнью губами...

Ветер подул не на шутку. Стекло уже не просто звенело от его порывов, а просто стонало, предупреждая хозяйку, что скоро не выдержит. Марья взяла с кровати подушку и приложила к оконной раме. Та сразу успокоилась, и в доме стало тихо, даже белоснежные занавески перестали шевелиться.

ФЕДОТОВА Екатерина Николаевна родилась в д. Сапеги Сенненского р-на Витебской обл. Окончила музыкальное училище г. Новополоцка. После училища — заочно Белорусский государственный университет культуры и искусств. С 2012 года возглавляет Центр ремёсел и традиционной культуры г. Новополоцка. Печатались в журналах “Маладосць”, “Дзеяслоў”. Живёт в г. Новополоцке.

Бок как будто успокоился, уже не рвал нутро, не дёргал, просто висел тяжелой нитью навязчивой боли. Дочь говорила, как называется эта болезнь, лекарство из Москвы привозила, но что с того...

Дочь у Марьи умная — врач... Сразу после школы поехала учиться в медицинституте. И поступила... И выучилась, и замуж сразу вышла... в Москву. Люди говорят — хорошо... Тодорова дочь счастлива, богатая... Марья тяжело вздохнула.

Тихо отсчитывали минуты часы на окне, в углу на кухне скреблись мыши.

— Вот уж кот на вас нет, чтоб вас... Кот... Кот... Кыщи-кыщи-кыщи...

Мягко спрыгнул на пол старый серый кот и одним махом оказался рядом со старой женщиной. Она на ощупь протянула к нему руку, погладила по мягкой шерсти. Кот сразу заурчал и примостился рядом на кровати.

— Совсем ты от рук отбился, мыши по дому пешком ходят, а ты только на печи лежишь... — почесала Марья мягкий бок и замолчала. Старческая тонкая рука лежала на теплой кошачьей голове. Спустя несколько минут она перевернулась на спину и спросила:

— Может, придет наша Танечка на Рождество? В том году не было... И на эти Коляды не придет, наверное...

Кот вытянулся и мягко зевнул, показывая, что разговоры эти пустые, но Марья не успокоилась.

— А помнишь, Кот, раньше все собирались на Рождество... И Танечка. И Иринка из Минска придет, и Петя с Васей... Девчата мне дом уберут, всё вымоют, хлопцы кабанчика заколют... Помнишь, Кот? А потом вечером кабана разберём, печёночки нажарим, сальца... Колбасы крутим... Помнишь, как Танька не могла кишки в руки брать... А ещё врач... А теперь нет никого... Никто не едет, все городские стали... Всем некогда. Иринке писала — приезжай... А она мне — некогда, работаю, может, летом... Ну, и пусть летом... Летом работы много. Петя с Васей, близнецы, не так далеко живут, в райцентре. Километров тридцать... Эти чаще бывают, да и внуки приезжают... Но чтоб все собрались... Кот, почему мышей не ловишь? Скоро по голове ходить будут... Старый ты стал... Как и я. Это же тебе уже сколько годков? Тебя ещё Иринка привела, котёнком от Игнатихи... А Иринка уже одиннадцатый год как уехала... О-хо-хо-хо-хо... Старый ты, котик, как и я...

Кот ещё минуту полежал рядом, потом осторожно поднялся и изогнулся, грозно сверкнули зеленоватым светом глаза. В углу снова прошелестела мышь, и полосатый спрыгнул на пол.

Холод брал своё, забирался под платок, не спасала и старая поддёрвка, стыли ноги в вязаных бурках. Старуха слезла с кровати и пошаркала к печке, взялась растапливать.

Сначала огонь только ласково лизнул сухую лучину, будто приглашая, а потом вошёл в охоту и, проглотив её всю, весело поскакал по сухим поленам. В доме стало тепло, а на дворе незаметно посветлело, и Марья отправилась во двор, в хлевушок. Оттуда сначала слышалось тихое чириканье, потом беспокойный квохтанье потревоженных кур, и вот Марья вышла из сарая с ведром в руке и двумя яйцами в подоле. Кроме кота делили с Марьей судьбу свою коза Манька и две курочки.

Картошка сварилась. По дому пошёл сытный картофельный запах. Полилось из подойника в кошачью миску молоко. Потом в чашку, белую с голубыми горошинами, — Танина любимая. Как придет, бывало, то только из неё пьёт.

— Кот, иди, есть будем, — позвала Марья. И он тут же спрыгнул с печи. Лениво подошёл к миске с молоком.

— Кот... Кот ты, Кот. Кот-муркот...

Марья тихо сидит на диване. В доме тепло, тихо.

— Ай-яй-яй-яй-яй... Дробны-ы дожджык, ды накрапае...

Марья поёт... Кот привык уже. Раньше пугался и убегал... А теперь смотрит на Марью зелёными глазами и слушает. Марья часто поёт. А бывает — и сказки рассказывает... Кот любит сказки больше, чем песни... Под сказки

Марьяна рука мягко гладит его, чешет за ухом плавно, как сам рассказ. Ни на минуту не останавливается... А под песню разное бывает... Может даже и за шерсть дёрнуть... Сказки лучше. Сегодня Марья пела, поэтому Кот наблюдал за ней со стороны, близко не подходил.

— Ну, что смотришь? — Марья перестала петь. — Думаешь, баба с ума сошла? Нет, не сошла... Баба твоя ещё всё понимает... Вот Васька с Петькой зазывали на зиму к себе, а я ж не согласилась... У Васьки детки, квартиры нет, куда мне... А к Петьке я сама не хочу... Там невесточка такая, что не приведи Господи... Глупая была б — поехала бы... Иди-ка сюда...

Кот вроде бы только этого и ждал — запрыгнул на колени к хозяйке.

— Какой это день сегодня? Суббота? Мозги-то совсем отсохли... А может, воскресенье? Ящик этот поломался... Так хоть новости смотрели... Одного только боюсь: умру и буду лежать... Одна здесь, пока не найдут. А кто меня найдёт? Сыновья раз в месяц звонят — некогда, дочки — далеко... О-хо-хо-хо... А и быстрее бы уже... Ведь восемьдесят шестой годок... Пожила ведь уже... Пожила. Всего было...

Кот не стал слушать дальше: с ней всегда так — все разговоры одинаково заканчиваются. Повернулся, махнул хвостом и исчез.

День входил в полную силу, но был неярким. Низко над землёй ходили серые тучи, готовые вот-вот прорваться снегом, тоскливо смотрели они на одинокую Марьяну избушку. А она ещё ниже прижималась, старалась стать незаметной, слиться с черной осенней землёй, а то и сравняться с ней, как уже сравнялись остальные.

Марья поплелась в сени. Накинула на плечи старый мужник кожух и вышла на крыльцо. Влажный ветер вырвал из рук дверь, и она гулко ударила о стену. От неожиданности Марья ойкнула. Осторожно, чтобы не поскользнуться, спустилась с крыльца и пошла к сараю. Где-то там, на полке, лежала пила. Через несколько минут Марья осторожно наклонила яблоневый сук, мокрый и скользкий, да пила все никак не хотела резать, соскакивала, скользила... Марья и так подступалась, и этак. От усердия сполз кожух и платок, но сук не поддавался. Тогда Марья отступилась. Тяжело дыша, подошла к яблоне, положила руки на ствол.

— Смотри ты... Тёплый... Прости ты меня, старую... Я же знаю, что болит... И мне больно. Каждую ночь, моя родная, болит... А выбьешь стекло — что буду делать? — Марья опять взялась за ножовку и, наконец, спилила сук, бросила на мёрзлую землю — тащить в сарай уже сил не было.

— Хай себе лежит, — махнула она рукой и тихо поплелась в дом. Не дошла, тяжко колотилось в груди сердце, и опустилась на старую, хрупкую скамейку, прислонилась к тёплому боку дома.

Свет медленно уступал место осеннему полумраку. Ещё можно было рассмотреть одинокие очертания деревьев, низкие кусты шиповника и сухие стволы жёлтых георгинов, но и они начинали сливаться в ровный серый туман. Тихо-тихо было вокруг. Показалось, по тропинке кто-то идёт, Марья присмотрелась... Показалось... Откуда-то появился Кот, потёрся об ноги.

— Не успела оглянуться. А жизнь — вот она, как ниточка в клубок завилась-закрутилась. Будто и не было... Эх, короткая она, жизнь эта... Такая короткая, что только вчера, кажется, бегала маленькая, босая, в одной майке... И мама смотрела из-под руки, и папа... Короткая жизнь моя... Одно хорошо — прожила её так, как хотела, правильно прожила... Никому обиды не делала, а если кого и обидела, то не со зла, так, по глупости... Детишек вырастила, каждого в мир выпустила... С мужем всю жизнь вместе прожили — от свадьбы до последнего его денёчка вместе... Кажется, и не поссорились ни разу... Хорошую жизнь прожила — дай Бог каждому. Да вот под старость одна осталась... Слышишь, Кот. Никому не нужна. Оно конечно, старые никому не нужны... Но сейчас такой мир, что никто никому не нужен... Каждый сам по себе — бегут. Как бешеные, а куда бегут — неизвестно... И мои вот гонятся за чем-то, бегут... Некогда им, а я одна... Так и не дождусь, видать, детей своих... Что-то, Кот, сломалось в этом мире, а что — не знаю... То ли я не досмотрела, то ли мир поменялся... Кто его знает... Так-то...

Ветер выдул из старческого глаза слезинку и оставил на тонкой восковой щеке.

Низкие тучи расступились и выпустили осеннее солнце на свободу. Оно не собиралось долго смотреть на одинокую землю, прошлось по небу, взглянуло на Марью и растеклось розовой лентой по вершинам близкого леса. Тихо опустилась на воротник кофуха белая муха, потом ещё и ещё... Пошёл снег. Споро и тихо, будто старался прикрыть неприглядную эту землю, людские поступки и мысли.

Марья, замётённая снегом, смотрела на розовое солнце и видела там такую короткую жизнь свою. И чудилось ей, будто идёт она маленькая, в белой длинной рубахе, по росистой высокой траве навстречу большому красному солнцу и входит в тёплую его красноту, и сама наполняется ею до краёв, до доньшка. До последнего волоска... Красным ласковым светом, основой всего живого. Наполняется и поднимается высоко-высоко, и летит над всем белым светом, и видит дальние страны и людей, и высокие горы. А поднявшись так высоко, что и птицы не долетают, рассыпается по земле тёплыми прозрачными каплями дождя и прорастает зелёной травой, прекрасными цветами и вновь соединяется с солнцем, чтобы не расставаться с ним никогда.